

Зинаида Шедогуб

16+

Такая короткая жизнь

Повесть и рассказы

Зинаида Шедогуб
Такая короткая жизнь

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Шедогуб З. И.

Такая короткая жизнь / З. И. Шедогуб — «ЛитРес: Самиздат»,
2020

Мой сборник "Такая короткая жизнь" о проблемах войны и мира, о влиянии военных событий на судьбы людей, о ценности человеческой жизни. Герои повести и рассказов - натуры яркие и запоминающиеся. Они мечтают о любви и счастье, но не могут реализовать свои мечты в суровой действительности 20 века.

Содержание

Такая короткая жизнь	5
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Такая короткая жизнь

Повесть

Перед свадьбой

В нижнем течении Кубани, среди лиманов и зарослей камыша, затерялась станица. От небольшого пяточка тянутся тоненькие паутинки улиц. То здесь, то там из-за плетней выглядят подслеповатые хатки. За полями прячутся хутора. Обходя стороной болотистые низины, станица расползлась на многие километры, залезла в степи, плавни, к реке Протоке.

Ночь. Тишина. Чуть потрескивают от жгучего мороза деревья, да изредка всхлипывают собаки.

В морозную накипь стекла осторожно скребется чья-то рука. Надежде кажется, что это Андрей потихоньку, чтоб не услышала мать, вызывает ее на свидание в сад. Радостная и возбужденная, она крадется к окну и прыгает в ласковые объятия любимого. Андрей со стоном прижимается к ней – и они падают вниз, в страшную черную бездну...

Надежда проснулась от собственного крика и ошалело всмотрелась в темноту. Стол. Скамья. Большая деревянная кровать. На печи сладко посапывает дочь.

– Так это был только сон, – вытирая со лба пот, подумала она.

Вдруг до ее слуха вновь донеслось легкое постукивание. Надежда сбросила ватное одеяло, ежась от холода, ступила в калоши и подошла к окну.

– Кто там? – тревожно спросила она.

– Свои, мама, свои...

Женщина открыла в настывшие сенцы дверь, откинула липкий от мороза крючок и бросилась навстречу вошедшему.

– Митя! Сынок!

– Чужих нет? – тихо бросил он.

– Ни... Ти вражьи души шастают тильке днём. Ночью боятся: камыши близко. Ходим, сынок, в хату!

От свежего воздуха затрепетал чахлый огонек лампадки, побежал светлячками по задумчивому лику Божьей Матери, запрыгнул на чернеющие предметы и спрятался где-то там, в самом углу, за большой русской печью.

– А у нас, мама, все по-старому, – улыбаясь, заметил Митя.

– Дэ там... – грустно вздохнула Надежда, заботливо усаживая сына за стол. – Лютуют. За вас боюсь... Любку на печи душу, сажой мажу, шоб прокляти не кинулись. – ласково перебирая Митины волосы, горько проговорила она. – На батька ты, сынок, похож: такой и вин був... Чернобровый. Кареглазый. Высокий и сильный. Не пуцу тебэ с хаты. Заховаю.

– Нет, мама, – усмехнулся Митя. – Меня не удержите. Не хочу погибать. Наши близко. Скоро выкурят немцев с Кубани.

– Куда ж пидешь, сынок?

– Схоронюсь где-нибудь на хуторах или в плавнях. Вот согреюсь да и перекусить бы не помешало.

– Счас, сынок, счас, родной, – засуетилась Надежда. – Накормлю и с собой дам.

Птицей кружилась мать вокруг сына. Она то заботливо подсовывала ему еду, то, вспомнив о припрятанных продуктах, вновь вскакивала и бежала в кладовку. Поев, Митя здесь же, за столом, уснул, а Надежда еще долго крестила сына и молилась о его спасении.

Мать проводила Митю на рассвете. И, хотя на пути им никто не встретился, она не знала покоя: то подходила к окну и подолгу стояла, всматриваясь в безлюдную улицу, то садилась

за стол и устало глядела на дочь, то начинала месить тесто, то бежала за чем-то в сарай. Под навесом столкнулась с соседкой.

– Слухай, Ивановна, – взволнованно обратилась та к Надежде. – Шо за крик стоит?

Женщины прислушались. И в самом деле издали доносился какой-то гомон.

– Кого-то забрали, – предположила Надежда.

Вдруг из-за поворота показалась упряжка. Испуганные кони рвались в стороны. За телегой, упираясь и пытаясь сбросить налыгачи, еле передвигались две коровы. Их сопровождали с криками и плачем две женщины. Обезумев от горя, они бросались к буренкам, и только угрозы мародеров заставили женщин оторваться от животных.

– Ой, Боже! Шо без кормилиц робыть-то будем? – заволновалась Надежда.

– А я не отдам, – бросаясь к плетню, решительно заявила Елена.

Прокоп Миска с трудом остановил лошадей напротив двора, накинул вожжи на сучок старой акации и любовно оглядел награбленное. На повозке лежали мешки с мукой и зерном, беспорядочно валялись отрезки различных тканей, воротники, шапки, самовары, испуганно моргали связанные куры.

Впереди, на перине, прикрытый теплыми кожухами, сидел плотный, лет сорока, офицер. Он сделал попытку встать с телеги, но был подхвачен услужливыми руками. Прокоп что-то произнес и выразительно кивнул в сторону хаты. Все весело рассмеялись.

В сенцы ввалились гурьбой, а потом бесцеремонно вломились в комнаты. Пройдя на кухню, офицер брезгливо осмотрел помещение: закопчённые печи, кучи кирпича возле них, накрытая рядом старая кровать – все вызывало у него отвращение.

– Шнель! Шнель! – торопил он солдат. – Партизанен? Ист да партизанен? – высморкавшись, обратился он к Надежде.

– Не понимаю... – сердито буркнула женщина.

Глаза её, обычно ясные и голубые, как весеннее безоблачное небо, теперь помутнели от злости.

Надежда не знала, что ей делать. Стоя в коридоре и дрожа от ненависти и унижения, она следила за оккупантами.

Грабители хозяйничали в хате. Кто-то сбросил с горища мешок муки, двое перевернули в кладовке бочку и вытаскивали из нее истошно кричащую птицу. В зале жонглировал бельем Прокоп Миска. Очистив сундуки, он бросился к Надежде.

– Одно старье! Дэ, сука, добро заховала? – насупив мохнатые с проседью брови, гневно спросил он. Не сдерживаемая заячьей губой, изо рта брызнула мутная слюна.

Надежда брезгливо отшатнулась, но Миска, схватив костлявыми пальцами за полы фуфайки, не отставал от женщины.

– Дэ, гадюка, добро закопала? – дыша в лицо перегаром, снова спрашивал он.

– На пиддашках лопата – бери и копай.

С трудом вырвалась Надежда из цепких рук и убежала на кухню.

Офицер грелся у печки. Слабый румянец появился на его бледном, обрюзгшем лице.

Вдруг на печи, за грубой, закашляла Люба. Несмотря на полноту, немец живо вскочил на стул, перешагнул с него на припечок и закричал:

– Партизанен! Хенде хох!

– Не стреляйте! Дочка моя там! Больна она! – кинулась за ним мать.

На печи, в углу, лихорадочно натягивая на себя шерстяную шаль, как испуганная птица, металась Люба.

Молящие о пощаде глаза. Дрожащие от страха губы.

На коленях гитлеровец пополз по мазанному кизьяками череню, сорвал с девушки платок и что-то залопотал по-своему.

– Любка, тикай! Тикай, дочка! – закричала Надежда.

Девушка резко оттолкнула немца, спрыгнула на кровать, вихрем промчалась по комнате и выбежала на улицу.

Опомнившись, офицер ударом кулака свалил Надежду и выскочил во двор. По следам добежал до ерика и долго стрелял по заснеженным зарослям. Перейти через шаткий мостик он не решился: канал был глубокий, берега обрывисты, а виднеющийся вдали камыш пугал его неизвестностью.

До весны Люба скрывалась на хуторе у тетки Марфы. Однажды ее разбудила приглушенная канонада: где-то за Протокой шли кровопролитные бои. Девушка до утра не сомкнула глаз: ее тянуло в станицу. Она думала о тех, кто, несмотря на весеннюю распутицу и ожесточенное сопротивление врага, пядь за пядью освобождал Кубань.

Едва забрезжил рассвет, Люба попрощалась с тётёй и побежала домой.

Когда она вошла в хату, то увидела мать, сидящую в углу на куче соломы. Около нее, обхватив детей, Федотку, Степку и Валушу, примостилась соседка Елена. Женщины молчали, прислушиваясь к стрекоту пулеметов, гулкому разговору пушек, вою летящих бомбардировщиков. Увидев вошедшую дочь, Надежда рванулась к ней, и ее озабоченное лицо озарилось счастливой улыбкой.

– Живая, – радостно выдохнула она. – А я тут переживаю, шоб ты по этому пеклу домой не верталась. Сидай, Люба, с нами. Гуртом не так страшно, – заботливо укутывая дочь шерстяной шалью, приговаривала мать.

– Господи, помоги нашим, – глядя на икону, перекрестилась Елена.

– А вон у тетки Польки пушку раком перевернуло, – захлебываясь от возбуждения, закричал незаметно пробравшийся к окну Федотка, и на его бледном лице мелькнуло подобие улыбки.

Елена легко, словно перышко, подхватила сынишку и посадила его рядом.

– Горе мени с дитямы, – пожаловалась соседка. – Голодуем: все вычистили, гады. Шо ты, Ивановна, дашь, то и наше.

– Я, кума, научена тридцать третьим. Шо могла – все закопала.

Притихший было Федотка, увидев увлекшуюся разговором мать, вновь прилип к дребезжащему стеклу и заверещал тоненьким голоском:

– Ой, коняку убило! Задрала, бедна, ноги и лежит! Мама! Крестная! – позвал он женщин. – Вы ховааетесь, а люди по улице ходят!

По улице двигалась подвода. Утопая в грязи, кони еле тащили ее.

На телеге среди мешков съезжился Прокоп Миска. Стараясь быстрее выбраться из станицы, он то и дело стегал взмыленных лошадей и затравленно озирался. Особенно раздражала его жена, упрямо следовавшая за ним. Когда она в бессильной злобе хваталась за арбу, тщетно надеясь удержать мужа, то Прокоп со всего размаху стегал ее батоном. Обожжённая ударом, женщина валилась в грязь, но потом разъярённая поднималась, чтобы выплеснуть на мужа накопленную за долгие годы злость:

– Изверг! Предатель! Опозорил, гад, и бежишь! – рыдая, орала она.

– Ненавижу! Шоб ты сдохла, зараза! Отвяжись: пристрелю! – размахивая батоном, пугал её Прокоп.

Именно в ней, своей жене, искал он причину своей неудавшейся жизни. Что принесла она ему? Кучу детей. Бедность. Глупо прожитую жизнь. И только с немцами чувствовал себя счастливым: брал, что хотел, спал, с кем хотел, его боялись. Теперь же всё для него рушилось, и он ненавидел весь мир.

– Ох, ружья нэма... Убила б паразита, – с ненавистью произнесла Елена, глядя на бегство полиция.

– Раз Миска тикае, значит, конец фашистам. Нажрались нашего кубанского хлеба, – глядя вслед удаляющейся арбе, тихо сказала Надежда.

Еще стонала от разрывов земля, а уже из хаты в хату неслась весть: советские солдаты в станице! Эту новость женщины узнали от соседки Натальи.

– Вы знаете, бабоньки, – весело тараторила она. – Наши уже у школы, и у мельницы, и на хуторах. Побежим на пятачок!

– Шо мужичка захотелось, – насмешливо бросила Елена. – А если Сергей с войны вернется? Спросе, де детёнок еще один взялся? Шо отвечать-то будешь? – с осуждением глядя на ладную фигурку соседки, ворчала она.

– Не порть настроения, – горько промолвила Наталья. – Два года прошло, и ни весточки. А я женщина. Да и шо ему дитя помешает? – дерзко сверкнув глазами, усмехнулась она. – Ну вас, монашки скучные! Разве не интересно? Наши пришли! Чула, у Дашки Горбихи мужик вернулся! Был в разведчиках! Хоть побаче своего мужика!

Наталья говорила так, что ее голосок то журчал, как весенний ручей, то звенел звонкой песней жаворонка.

– Я, Наташа, – словно оправдываясь, заговорила Надежда, – буду ждать сына дома. А Люба нехай с тобой пойдет. Посмотрит – и нам расскажет.

Станица поразила Любу: будто ураган пронесся по её улицам: поковырял землю, с корнем повырывал деревья и расшвырял их.

В центре был тот же непривычный беспорядок. Поваленные деревья. На огромной акации повисли чьи-то останки. У ерика стоят облепленные грязью танки и пушки, нагруженные телеги и машины. Возле них деловито суетятся солдаты и офицеры.

Вдруг кто-то сзади закрыл Любе шершавыми ладонями глаза и произнес:

– Угадай! Кто я?

Девушка дернулась вперед, пытаясь вырваться, но это ей не удалось.

Терпкий запах пота, бензина, табачного дыма и еще чего-то незнакомого ударил ей в нос.

– Отпустите меня: я вас не знаю, – обиделась Люба.

Ладони разомкнулись – и она увидела возмужавшего двоюродного брата Ивана. Наверное, улыбка не покидала его лицо в это утро. И шапка, лихо сидящая на голове, и кучерявый, выбившийся чуб его, и даже нос, победно поднятый к небу, – все было радостным и счастливым.

– Вот ведь повезло! Ну, и повезло же мне! – шумел Иван. – В родной станице я, дома! А как там тетя Надя? А мать моя жива? – не дожидаясь ответа, расспрашивал он.

– Матери живы, а отцы...

– Эх, война! Смерть и увечья! Насмотрелся! – зло выговорил Иван. – Вот раненых привез и на передовую. Передай моим, что я тут. Если удастся, забегу к ним повечерять.

– Тебя и сейчас могут угостить, – засмеялась Люба, указывая на толпу станичан.

– Солдатики! Кому борща? Нашего кубанского борща, – предлагала чернобровая казачка.

– Выпьем, хлопцы, едят вас мухи с комарами, за победу, шатаясь меж воинов, кричал дед Степан. – Самогончику для вас припас. Думал: не дождусь вас, голубчиков.

– Не верю, не верю, шо Юра погиб, – причитала у плетня низенькая молодичка.

– Ну, мне пора, еще свидимся, – попрощался Иван.

Он уехал, а Люба, как замороженная, стояла на месте. Смех, плач, шутки, крики – все это рождало какое-то необычное настроение. Как в калейдоскопе меняются узоры, так и в

девичьем сердце то было весело, потому что выжила, дождалась прихода советских воинов, то грустно до того, что хотелось плакать: ведь погиб отец, да и вернутся ли родные. Её раздумья прервал взгляд, который неотступно следил за нею. Люба занервничала. Смущаясь, она быстро пошла по тропинке домой, но солдат преградил ей путь.

– Куда бежишь от меня? Я вот давно за тобой наблюдаю, а ты меня не замечаешь.

Испуганные карие глаза невольно взглянули на говорящего. Взглянули и заметались, сломленные силой направленного на них взгляда таких же карих, но еще более смелых и настойчивых глаз.

Обветренные, упрямо сжатые губы, широкое, смуглое, со здоровым румянцем лицо, на открытом лбу мохнатые и густые брови, прямой, чуть длинноватый нос – все было вызывающе ярким и одновременно таким близким и родным, будто девушка и впрямь знала этого парня.

– Я давно тебя ждал и искал, – не стесняясь окружающих, проговорил солдат.

Он освободил дорожку и пошел рядом.

– Любая ты девушка. Люба. Любушка... – играл он словами. – Тебя, наверное, Любой зовут? Если угадал, то будем с тобой всегда вместе.

Девушка улыбнулась уголками губ, исчезла скованность, и она весело сказала:

– Да, вы угадали: меня зовут Люба.

– Неужели так бывает, – думала она. – Не знаю ни имени, ни откуда он родом, а кажется, что мечтала лишь о нём.

Страх перед неизведанным и никогда прежде не испытанным ею чувством влечения к юноше вдруг овладели девушкой.

– Люба, почему ты не говоришь со мной? – прервал затянувшееся молчание погрузневший солдат. – Неужели тебя пугает перевязанная рука? Так это пустяк: у вас в станице малость поцарапало. Везучий я: тебя вот встретил!

Парень замолчал, но через несколько минут вновь обратился к Любе:

– Ну, а ты угадаешь мое имя?

– Не могу.

– Николаем меня зовут. С Украины я, Люба. Приходи вечером к школе, – попросил он девушку.

Люба долго не решалась войти в хату, так как боялась, что мать сразу поймёт ее состояние, но Надежда бесцельно переставляла с места на место посуду и плакала.

– Ты знаешь, шо наш Митро наробыв, – обратилась она к дочери. – Сказал, шо домой его не затащим, шо будет воевать. За батька все слезы выплакала, а теперь опять... Не жизнь – одно страдание. И корова голодна, и сил нема.

Люба напоила корову, принесла ей душистого сена, но работа не успокоила ее.

– Не пойду, ни за что не пойду, – думала она. – И знать его не хочу. Он уедет, забудет. Ишь какой смелый! Не пойду, – твердо решила девушка, а сердце стучало: " Пойдешь. Пойдешь. Пойдешь."

Когда начало смеркаться, Люба потихоньку выскользнула из хаты и берегом пошла к школе. Они встретились на полпути.

– Как же ты узнал, где я живу? – удивилась Люба.

– А я уже все знаю, – рассмеялся Николай. – Вот слушай. Огород у ерика. Сад. В нем большая старая груша. Хата, крытая черепицей.

– Точно, – удивилась Люба. – Кто ж тебе рассказал?

– Военная тайна.

Они рассмеялись и забыли обо всем: что идет война, что встреча коротка, что скоро расставание. А сейчас были только он и она. Да ерик. Да калина. В воде отражались вечные звезды. И приятно было смотреть на них, а еще лучше прижаться друг к другу и согреться

под выдавшей виды шинелью. Казалось, весь мир принадлежал им, и даже редкие огненные зарницы в небе на западе не могли разрушить этого ощущения.

– Кохана моя, – шептал Николай, ласково целуя девушку. – Единственная. Солнышко мое дорогое.

Затаив дыхание, Люба прильнула к солдату. Вдруг Николай встал и легко поднял ее.

– Ты только посмотри, – восхищенно произнес он. – Мы одни. Никто, наверное, не венчался под звездами. Ты только верь мне: я никогда не предаю тебя, не изменю, не забуду. Я берег себя для тебя и должен знать, что у меня есть самый близкий человек на земле – моя жена.

Девушка смущенно молчала.

– Люба, – горячо прошептал Николай, – любимая, ты моя навсегда, моя и только моя.

– Да, – тихо ответила она.

Он обнял ее, стал целовать, и девушка позабыла обо всем на свете.

Расстались они на рассвете.

– Люба, я люблю тебя, – прощаясь, сказал ей Николай, – но сидеть тут из-за пустячной царапины не стану. Стыдно. Но ты не волнуйся: мы будем вместе. Только жди меня, жди.

В станице бушевала весна. Ожили лиманы, луга покрылись нежной, как кожа новорожденного, зеленью, набухли на деревьях почки.

С раннего утра Люба трудилась в саду. Она выгребала прошлогодние листья, вырывала почерневший бурьян и складывала все в кучи, чтобы потом сжечь. Работа двигалась медленно, так как девушка, задумавшись, застывала где-нибудь под деревом.

Люба больше не видела Николая и ничего не слышала о нем, и теперь она вновь и вновь вспоминала встречу с ним, его поцелуи и клятвы, верила и сомневалась, но если бы все можно было повторить снова, то поступила бы так же.

Она испуганно вздрогнула от прикосновения холодных материнских рук.

– Шо с тобой, дочка? – озабоченно спросила Надежда. – Кричу. Кричу. Не чувствуешь.

– А что случилось? – удивилась Люба, заметив на матери праздничную юбку.

– Собирайся быстрей! Всех гукают на митинг. Вон уже бабы идут.

По улице, гордо неся красивую кудрявую головку, шла Наталья. За ней в старом поношенном платье семенила Елена. Женщин догоняла Полина.

– Подождите нас, бабоньки! – крикнула Надежда.

– Мы девочки, – пошутила Наталья. – Мужиков-то у нас нема.

– Ну, я, пожалуй, побегу, – сказала Надежда дочери. – А ты нас догонишь.

У школы было многолюдно.

– И старый, и старая, и Химка кривая, – съязвила по поводу собравшихся Наталья. Но сказано было верно: перед школой лузгали семечки нарядные девушки и молодницы, старики в потертых жупанах и шапках-кубанках сидели на бревнах и тихо беседовали о войне, о сыновьях, о том, как жить. В сторонке стояли старухи. Визжали, размазывая сопли, дети. Наконец на крыльце появился выступающий. Он устало взглянул на толпу, зычно откашлялся, и люди угомонились.

– Товарищи! – крикнул он. – Поздравляю вас с освобождением станицы!

Голос говорившего неожиданно дрогнул, и на лице показались непрошеные слезы.

В толпе недружно захлопали. Кто-то из женщин зарыдал.

Успокоившись, мужчина продолжал:

– Но враг еще рядом. Школа набита ранеными, а рядом с вами – братская могила. Эти хлопцы легли в землю, спасая вас, вашу станицу, родную Кубань. И сейчас гибнут наши сыно-

вья: фашисты по-прежнему топчут наши поля. Поэтому мы должны трудиться и днем и ночью, чтобы жить.

Старики согласно кивали, женщины вздыхали.

К Надежде пробралась жена брата Марфа.

– Ох, сироты мы, сироты! – бросилась она к ней. – Мужика убили, прокляти души, и до детыны добрались... Мий сыночек тут лежит никуда негожий.

– Шо с ним? – коротко спросила Надежда.

– Грудочка прострелена. Умирает хлопец. Просыв, шоб привела попрощаться.

– Та тише вы! – возмутились в толпе. – Ничего из-за вас не слышно.

Женщины с трудом пробрались к входу школу и вошли в здание.

– Сюда нельзя, – остановила их молоденькая медсестра. – У нас тяжёлые.

– Женечка, пропусти родных, – приказал ей военврач.

Они вошли в класс. Все, кто был в сознании, повернулись к ним.

Люба нерешительно остановилась у кровати с раненым.

Сильное, богатырское тело брата за несколько дней стало немощным и безжизненным, глаза запали, нос заострился, лицо вытянулось, похудело и пугало необычной желтизной.

– Ванюша, сыночек, – не сдерживая слез, припала к раненому мать.

Иван приоткрыл глаза и попытался улыбнуться.

– Спасибо, что пришли, – задыхаясь, прохрипел он, обводя помутневшим глазами расстроенные родные лица. – Да не плачьте. Мне так повезло: дома я...

Утомленный сказанным, Иван замолчал. Внутри у него что-то хрипело и клокотало, на лице выступили капельки пота, и Надежда заботливо промокнула их своей косынкой.

– Неужели это конец? – в отчаянии подумала Люба, впервые увидевшая предсмертные мучения.

Но Иван вновь открыл глаза и прохрипел:

– Погиб друг. Погиб Коля. Не жди его.

– Бредит! Врача! Врача! – закричала Надежда.

Умиряющего понимала только Люба. Она прислушивалась к шёпоту брата, словно ждала, что он скажет еще что-то важное, но потом, не в силах сдерживать слёзы, выбежала из госпиталя. В заветном месте, у крутого берега, выплакала свое горе. Кричала, звала любимого, но лишь ветви калины печально кивали ей.

Тяжело налаживалась прежняя жизнь. От колхоза "Родина" осталось только название: все было разграблено, уничтожено врагами, поэтому каждое утро правление гудело, словно улей. Недавно назначенные бригадиры, звеньевые, инвалиды-фронтовики толклись в узком коридоре, надеясь решить свои вопросы.

К полудню наступило затишье, и Люба, робко постучав в дверь, заглянула в кабинет председателя колхоза, довольно большую уютную комнату.

Горбатый некрашенный стол, десяток обшарпанных табуреток да несколько вкривь и вкось прибитых плакатов – вот что составляло все убранство кабинета.

У раскрытого окна, задумавшись, стоял бывший летчик, а теперь новый председатель колхоза, Иван Иванович Гузнов, высокий, худой мужчина.

Свежий ветерок шевелил пустой рукав гимнастерки, ерошил кудрявые, тронутые седой волосами. Внезапно Иван Иванович обернулся и пристально взглянул на прислонившуюся к стене девушку.

– С-слушаю в-вас, – слегка заикаясь, сказал он.

– Работу бы мне... – смущенно попросила Люба.

– Р-расскажи о с-себе, – предложил председатель.

Девушка напряглась в поисках нужных слов, потом, запинаясь, начала говорить:

– Училась. Закончила семь классов. Отец до войны тут был бухгалтером.

– А х-хочешь тоже стать б-бухгалтером?

– Да, – радостно кивнула Люба.

– Н-ну и п-прекрасно, – улыбнулся председатель. – Х-хоть одной сегодня угодил!

Когда Иван Иванович говорил, его узкое продолговатое лицо судорожно искажалось: ска-
зывалось недавнее ранение в голову.

– Товарищ Жопкин, – обратился к председателю вошедший дед Степан.

Переминаясь на коротеньких ножках, он мял в руках грязную шапку и смущенно улы-
бался.

– Товарищ председатель, – повторил колхозник, – коней, едят их мухи с комарами,
запряг.

– Вот т-тебе и р-работа на с-сегодня. Т-теперь м-можно и ехать, – обращаясь к девушке,
оживился председатель. – М-мне н-нужен п-помощник: я еще п-плохо п-пишу левой. И зна-
ешь, – поделился он с Любой своими наблюдениями, – почему д-дед мою фамилию искажил?
Угодить х-хотел, чтоб н-нежнее было. И сколько их на Руси г-глупых ф-фамилий, унижаю-
щих ч-человека? Г-Гнилозубовы, С-Собакины, К-Кобыляцкие... И х-хотя не ф-фамилией, а
д-делами славен ч-человек, но все же н-нелепое звучание п-порой смущает, а п-порой смешит
л-людей.

Не спеша выехали за станицу. Иван Иванович сошел с линейки: перед ним до самого
горизонта лежало поле. Давно не паханное, оно почти сплошь было покрыто высохшим бурья-
ном, и только побеги молодой травы да позеленевший камыш веселили глаза.

Председатель наклонился и поднял комок земли.

Когда он летал на истребителе, с высоты она казалась ему другой.

Словно какой-то художник набросал на огромном полотне ровные квадраты полей, про-
вел голубые реки, нарисовал моря и горы, города и села. Теперь он впервые так близко рассмат-
ривал землю. Маленький комочек земли ласкает ладонь. Маленький, но силы в нем скрыты
огромные: он может дать жизнь зерну, накормить людей.

– Х-хорошая у н-нас на Кубани з-земля! – восхищенно воскликнул Иван Иванович. – П-
посеем на ней п-пшеничку. Т-так и з-запиши, – приказал он Любе.

– Хорошая она-то, хорошая, но... – замялся дед Степан.

– А в ч-чём д-дело? – переспросил председатель.

– Но низина тут, едят её мухи с комарами. Тут зимой, в дожди, воды по колено. А если
бы поле вспахать, то можно посадить кукурузу или овощи какие-нибудь.

– Спасибо деду, – подумал Иван Иванович. – Ох, и учиться же мне надо.

До вечера катались они по степи. Мужчины решали, что и где сеять, а Люба записывала.
Так прошел ее первый трудовой день.

Время приближало Победу, а в станице жизнь шла своим чередом.

Четыре времени года следовали друг за другом, и крестьянские руки не знали покоя.
Люба в жаркую пору весеннего сева со всеми выходила на поля – в другие дни находилась
работа в правлении. Среди людей постепенно стиралась боль и только в одиночестве порой
вспыхивала с прежней силой.

В тихий майский вечер Оксана потащила Любу на танцы. Издалека доносилось пили-
кание гармошки, повизгивание девчат, хохот хлопцев. Цветы сады, и тонкий аромат кружил
голову.

– Зря ты обабилась, – ругала Любу Оксана. – Хлопцы с войны вертаются: Толик Обертас,
Петька Донец, Игнат Зинченко... Немного покалеченные, но зевать нельзя, – горячо рассуж-
дала она. – Девки уведут! А Петька Зайцев? Поёт...

Вдруг в кустах кто-то прыснул:

– Вы шо сюда приперлись наших пацанов отбивать?

И кудрявая Мария, не по-девичьи широкая и толстая, встала на их пути.

– Не беспокойся, – отрезала Оксана. – Твоего жирного Тимофея не тронем.

– Да не ссорьтесь, дивчата, – попыталась их успокоить Люба. – Лучше посмотрите, какой сегодня вечер!

А вечер и впрямь был чудесен. Луна играла с облаками и улыбалась своему изображению в лимане; шептал, радуясь теплу и жизни камыш; тихо лепетали листочки; где-то рядом заливалась гармошка, и кто-то басом пел:

Ой, гоп, тай усэ,

Сидир паску несэ.

Сидориха поросся.

Вот и песня вся.

Это Петька Зайцев лихо колотил сапогами по молодой траве, внезапно приседал и также лихо поднимался. Увидев Оксану, он в танце приблизился к ней и пропел:

Ох, Оксанушка моя,

Пойдешь замуж за меня?

Девушка, обхватив тонкую талию руками, пританцовывая, пошла на парня, смело ему отвечая:

Брось ты, Петька, водку пить,

Буду я тебя любить.

Люба чувствовала себя на гулянке, или, как прозвали ее бабы, на тичке, неловко: парни о чем-то шептались, и она не знала, куда деться.

Гармонист заиграл вальс. Юноша пригласил ее танцевать. Он был мал, неуклюж, постоянно наступал на ноги, от него несло брагой, и девушка перестала чувствовать мелодию и еле дождалась, когда закончится этот мучительный танец.

Потихоньку Люба отделилась от толпы и направилась домой, но ей почудилось, что кто-то следует за ней, тяжело ступая и прихрамывая.

– Подожди, – грубовато остановил её незнакомый голос. – Шо фронтовиков не уважаешь? Мы за вас кровь проливали. Я знаю тебя, Люба. Ты мне понравилась. Только далековато живешь, а мне еще трудно ходить. Помнишь: учились вместе в школе, только я был постарше, – тяжело дыша, произнес подошедший.

– А где ж вас ранило? – участливо спросила Люба.

– Долго рассказывать, – вздохнул парень.

Он оперся на палку, чиркнул спичкой, и из темноты глянуло ничем не примечательное юношеское лицо.

– Это Игнат Зинченко, – узнала его Люба.

– Страшно вспомнить, – вновь заговорил Игнат. – Эшелон новобранцев разбомбили фашисты. Сколько хлопцев безусых там полегло, кто считал? Как уцелел не знаю. Ленинград защищал. Сначала везло: пуля меня обходила. Но однажды подружилась и со мной.

Потерял много крови. Когда бой окончился, санитары подобрали раненых, дошла наконец очередь и до меня. Очнулся я в темной яме. Первое, что захотел, закурить. Сказать ничего не могу: сил нет. Рукой нашарил кого-то и показываю ему пальцами, что курить, мол, хочу. Молчит! Толкаю другого – тоже молчит! Присмотрелся и вижу: тело на теле лежит, кто без рук, кто без ног. В могиле я, значит.

Игнат замолчал, и по движению огонька видно было, как он страстно, словно дитя соску, сосёт сигарку, с каким удовольствием вдыхает дым.

– Чуть не тронулся рассудком, – признался Игнат. – Да тут кто-то подошёл к яме. Это санитары ещё притащили убитых. Я им рукой машу, а они носилки бросили и побежали к врачу. Трясутся... А тот оказался добрым человеком, кричит им:

– Живо за носилками! Вытаскивайте солдата! Мертвецы не просыпаются!

И сам первый бросился меня спасать. Здесь же, на передовой, сделал мне первую операцию. А когда я очухался, то сказал: " Ну, солдат, теперь долго еще будешь жить, раз с того света вернулся".

Потом воевал за жизнь по госпиталям. Урал полюбил. Тянет меня туда, да батько не пускает.

Игнат снова вздохнул и затянулся сигаркой.

– А у меня отец погиб при освобождении Кубани в 1943 году. До нашей станицы так и не дошёл, – грустно сообщила Люба. – Пулеметчиком был. Да разве он один? И дядя, и двоюродный брат, и соседи. На улице мужиков не осталось. Одни вдовы.

Голос у неё задрожал, и она замолчала. Горе сблизило её с этим худошавым парнем, так много курившим во время разговора.

Было видно, что война опалила его душу, что-то в ней сломала и уничтожила.

– Вот мы и пришли, – сообщила Люба.

Игнат взял её за руку.

– Давай ещё встретимся, – предложил он, притягивая к себе упирающуюся девушку.

Любе казалось, что эти нагловатые руки и губы, касающиеся её тела, грубо разрывают возникшую между ними ниточку доверия.

– Нет! – вырываясь, крикнула она и, хлопнув калиткой, исчезла в саду.

Скрипнула дверь – и бойкий разговор прервался: взгляды женщин скрестились на вошедшей в комнату Любе. Потом разговор возобновился.

– То-ро-пи-тся, наш го-лу-бок! – по слогам протянула незнакомая женщина.

Необычайно тучная, она, казалось, с трудом выдавливала из большого тела слова, и они, рождаясь в хрипе, неприятно ранили слушавших.

– Сваха Степанида, а это мать Игната Зинченко, – указывая на тощую, по-старушечьи высохшую женщину, представила гостей Надежда.

Люба смущенно покраснела. С того самого вечера она больше не видела Игната, и тем неожиданнее был для неё приход свахи.

– Все живут. в паре, – хрипела Степанида, – люди, звери, птица. У нас есть отважный голубь – у вас красавица голубка. Надо их спаровать.

Сваха сделала многозначительную остановку и затем обратилась к Надежде:

– Шо вы на то скажете, сватья?

– Не знаю, як дочка, – грустно промолвила Надежда.

Люба молча стояла у грубы.

– Стесняется, – решила Степанида. – Да и шо тут скажешь. Теперь за безруких, безногих дивчата хватаются, не оторвешь. А у нашего голубя все есть, – гордо произнесла она. – Давайте решим: свадьба когда. Торопится наш голубок! Радость к вам в хату пришла!

– Жизнь покажет: радость или горе, – оборвала ее Надежда.

Две недели перед свадьбой промелькнули как один день. Надежда придирчиво пересматривала приданое, ибо знала, что скидок на вдовство не будет: бабы пересчитают в скрине белье и одежду, прощупают перину и подушки, оценят каждую вещь.

Казалось, все продумано и учтено, а душу гложет тоска.

– Нет, не так любили раньше, – осуждает молодых Надежда. – Андрей свадьбы не мог дожидаться, а этот глаз не кажет. И Любка безучастная, грустная. А все проклятая война.

Все спутала, сломала, разрушила. И как ей разобраться в судьбе дочери, если сама по ночам мечется, плачет, зовёт Андрея, если сердце еще тоскует по любимому.

Замужество

Над станицей неслась грустная свадебная песня. На эту волнующую мелодию по зеленым улицам и переулкам, вдоль извилистого ерика торопились люди: всем хотелось побывать на первой послевоенной свадьбе.

Сотни глаз рассматривали невесту. Радовались. Завидовали. Обсуждали.

Среди поющих дружек Люба стояла неподвижно, как статуя, но такое отчаяние было на её лице, что у близких тоскливо сжималось сердце.

– Не пришел... – думала она, с болью вспоминая, как бессонными ночами ждала Игната, чтобы объясниться и решить свою судьбу.

– Не пришел! Не пришел! – с горечью повторяла она, дрожа при мысли, что чужие, нелюбимые руки прикоснутся к ней, а людская молва покроет её имя позором.

Надрываясь, пели дружки, и Любе до слёз было жаль себя, Николая, их погибшую на войне любовь.

И пробивающиеся сквозь шум и гам одобрительные замечания:

– Гарна невеста!

– А платье длинне!

– И я себе такэ пошью!

– Приданое тоже ловке! – совсем не радовали её, ибо эти смотрины были ей в тягость.

Вдруг толпа хлынула на улицу.

– Едут! Едут! – на разные голоса закричали женщины и дети.

Вздвогнув, Люба отступила назад, но потом вновь застыла, напряжённо всматриваясь вдаль.

Над клубами пыли языками пламени взвивались ленты, дымились чёрные гривы, всё громче позвякивал бубен, визжала гармошка, под свист неслись запенившиеся кони.

Линейка и два шарабана остановились у двора; и друзья жениха, весёлый зубоскал Петро Заяц и лихой Андрей Заболотный, соскочили с линейки и рванулись к калитке. За ними, опираясь на палку, спешил жених, бледный, в новой гимнастерке, с белым цветком на груди.

Гармонист, наверное, цыган, лихо наяривал на гармошке. Позади всех подтренькивал на бубне пьяненький дед Степан.

Дружно навалились на калитку. Стянутая толстой веревкой, она заскрипела, но не поддалась.

– Ишь яки быстрые! Выкуп давайте! – горланили женщины, кто чем подпирая калитку.

– Открывайте! – требовали с улицы.

– Без выкупа не дам! Поворачивайте назад! Таких женихов нам не треба!

Надеясь победить силой, парни напирали на доски.

– Ох, боюсь за вас, – ехидно кричала старшая Надеждина сестра Дуня, сильная, краснощекая женщина. – Согрешите, хлопцы!

– Тольке через мой труп! – орала Наталья, дразня мужчин красивыми белыми зубами.

– Давай на твой труп упаду я! – тяжело дыша, предлагал Пётр Зайцев.

– Ой, не могу! – визжал кто-то.

– Отпусти руку!

– Не лапай!

– Отчиняйте!

– Жадобы! – сквозь шум и гам слышались короткие фразы.

Видя, что молодежи не справиться с женщинами, хлопцев потеснил сват Федор, сводный брат жениха.

В толпе одобрительно загудели:

- Федька герой!
- Станицу освобождал!
- Фрицев до Берлина догнав!
- Бабы сразу перед ним лягут!

Фёдор подкрутил чёрные усы, сгрёб с груди на плечо полотенце, чтоб были видны боевые ордена и медали, с ловкостью фокусника достал откуда-то четверть вишнёвой наливки и, размахивая ею, ласково обратился к женщинам:

– Ну, девушки, молодушки! Открывайте калиточку! Пустить! Та с такими красавицами и погулять, и выпить хочется!

– А ты заходи, хороший мужичок, – первой подобрела Наталья. – Погуляем.

Женщины приоткрыли калитку, но за Фёдором пролезли и жених, и его друзья.

Нудная обрядовая церемония утомила и разозлила Игната, потому что все это: и свадебная канитель, и стыдливый трепет невесты, и предстоящее венчание – казалось ему унижительным. Он не испытывал к невесте ни юношеского горячего желания, ни жаркой страсти, ни любви.

Ему не было и пятнадцати, когда невестка, красавица Галина, заманила Игната в подсолнечник. Не спуская с него синих горячих глаз, лихорадочно разделась, ловко вынула шпильки – и волна длинных каштановых волос прикрыла смуглянку. Но ветер-озорник сорвал и этот наряд, возбуждая в парнишке первое, еще неясное желание.

С тех пор и повело Игната. Порхая с цветка на цветок, ни к кому особенно не привязывался, легко встречался и расставался, быстро забывая своих возлюбленных. И никогда бы не женился, если бы не слёзные просьбы и упреки отца.

Дорога узкой лентой вилась по пестрой толоке. На темной зелени сочного, еще не высушенного жарким кубанским солнцем разнотравья алыми гроздьями горели цветы полевого горошка; то здесь, то там белела ромашка; жёлто-зеленым веером покачивалась сурепка; повсюду голубела полынь; в чашах глиниц красноватым ковром раскинулись маревые; а по обочинам, важно выпятив колючки, грозными стражами высились будяки. В глазах рябило.

Чем дальше свадебный поезд отъезжал от дома, тем грустнее становилось на душе у Любы. Равнодушно глядела она на поля, одиноко стоящие среди них деревья и кусты, приглушенно слышала рыдание гармошки, гомон, пение...

– Вот и приехали, – радостно сообщил Игнат. – Смотри, как нас встречают.

С небольшой возвышенности, от двора, расположенного рядом с заросшим ериком, с криками: "Жених и невеста едут!" – бежала босоногая детвора, за ними шли женщины. У запахнутых ворот с иконой в руках и хлебом-солью чинно ждали молодых старики родители, высокий, богатырского сложения седовласый Пантелей Прокопьевич и худощавая, сторбленная Фёкла.

И опять надо было подчиняться нудному обряду: бесконечно кланяться и целоваться, выслушивать циничные пожелания, наблюдать за гостями, которые совершали безумные шутки: впрягались в телегу и катали по станице родителей, строили шалаши, сажали на крыше капусту, раздевались догола и лазили по чердакам, рядились в цыган...

В первый же день так напоили жениха, что он едва добрался до брачной постели. Игнат сразу захрапел, а Люба все не могла уснуть: неудобно, тоскливо было ей в доме мужа.

Снаружи хата казалась большой, но жилья было мало: часть помещения отводилась под кладовую и кузню. Там стояли глиняные глечики, бутылки, бочки и бочонки, наковальня. На деревянных полках лежали молотки самых разных размеров, тяжёлые молоты, зубила, щипцы, рубанки, пробки и клинья, а на закопчённых стенах висели недавно сплетенные веники, нато-

ченые косы и пилки, острые серпы, ржавые обручи, старые хомуты и множество нужных и ненужных в хозяйстве предметов.

Потолка здесь не было, и длинные пряди косматой паутины причудливо свешивались вниз.

Жилых комнат было две. Кухня, в которой разместили молодых, являлась одновременно и спальней.

Широкая, неуклюжая русская печь, казалось, вытеснила людей из комнаты и теперь презрительно прислушивалась к kloкочущему храпу хозяев, спрятавшихся за узкой печкой-перегородкой, делящей кухню на две клетушки.

Люба бросила взгляд в прихожую. Обычно в ней стоял дубовый стол и ряд некрашенных табуреток, но сейчас они были на улице, и комната пугала пустотой, чернотой незавешенных окон, мертвящим мерцанием лампад.

Молодая женщина съежилась, задрожала и придвинулась к мужу.

– Вот это девушка, и я понимаю... – почувствовав трепетную теплоту женского тела, пошутил проснувшийся Игнат.

И, дыша в лицо перегаром самогонки, схватил зубами губы жены, покусал их немного, потрепал маленькие груди и, не обращая внимания на тихий просящий шепот: "Не надо. Услышат. Не сегодня"... – грубо, без любовной ласки, взял женщину.

Насладившись, высвободил руку из-под Любиной головы и угрюмо сказал:

– И чуял байку, шо баба ты, а все ж думал, шо брешут люди! Эх, ты! Кому ж отдала свою невинность? Рассказывай: я ему хоть морду набью! – грубо, со злостью пытал он.

Люба тихо плакала.

– Молчишь, – упрекнул Игнат молодую жену. – Ну-ну, молчи, а я пойду с хлопцами выпью.

Уткнувшись в подушку, Люба долго рыдала, стараясь приглушить всхлипывания, и только под утро забылась тяжёлым сном.

Ей снился Николай. Красное маковое поле. Тихий солнечный день.

Молодая женщина проснулась: над ней нависла чёрная тень, и чьи-то костлявые пальцы больно впились в плечо.

– Ступай Апельсину доить, – с трудом разобрала она свистящий шёпот свекрови.

Люба набросила халат и на ощупь стала выбираться из хаты. В сенцах утонула в темноте и, вытянув вперед правую руку, долго водила ею по стенам в поисках выхода; но вот, наконец, нащупав щеколду, отворила входную дверь и вышла на крыльцо.

С тоской глянула она на увитые виноградом деревья, на укрытый утренним туманом огород и сад, на причудливые очертания сарая, из которого доносилось призывное мычание коровы.

Когда над горизонтом всплыло солнце, пошла на работу. И, хотя надо было пройти несколько километров, путь не казался ей утомительным: умытое росой разноцветными огнями поблескивало поле, вдоль дороги чуть покачивался камыш; пенье жаворонка, покрякивание уток, отдаленные голоса людей – все вместе создавало чудесную симфонию, название которой "Жизнь".

Вот знакомое здание. Когда-то в нём на широкую ногу жил казак Налыгач. Сарай, конюшни, амбары и сам дом – всё было сделано прочно, на века. Но в гражданскую войну сгинул хозяин в бескрайних степях Кубани. Семью выслали, а стены его дома впервые услышали крепкое слово бедняка. Здесь возникла вера в крестьянское товарищество. Здесь в судорогах и мучениях рождался колхоз.

Раннее утро, но бухгалтерии шумно: у окна горячо спорит с председателем Оксана; Вера Петровна, что-то доказывая учетчикам, сердито трещит счётами. Люба тоже садится за стол.

– Цифры. Цифры... – горько думает она. – Трудодней много, а что получим?

В обеденный перерыв зашел в контору Игнат. По тому, как глянул, Люба поняла: быть беде.

Домой явился поздно и навеселе.

– Я ишачу, – напустился он на жену, – а ты в правлении шуры-муры разводишь!

– Шо ты, Игнат, – взмолилась она, со страхом глядя на мужа.

– Святая! Знаем мы таких! Вот этим ты, зараза, и папаше приглянулась!

– Шо выдумываешь, – заплакала Люба. – Завтра побалакаем!

– Нужна ты мне завтра! Сучка гуляющая! Вот у меня на Урале была жена! Таня, Танечка...

– еле ворочая языком, пьяно чванился Игнат.

Постепенно речь его превратилась в бессвязное бормотание, и он затих.

– Что делать? – тревожно бился в Любиной голове один и тот же вопрос. – Уйти – страшно остаться одной. Терпеть, покориться – хватит ли сил?

Люба сразу почувствовала, что не смогла увлечь мужа, но все же надеялась вниманием и самоотверженностью заслужить хотя бы доброе отношение к себе.

Утром Игнат встал в хорошем настроении и вёл себя как ни в чём не бывало. А спустя несколько дней вновь устроил скандал, только теперь попросил:

– Уйди, Любочка, из правления. В бригаду ступай, шоб я успокоился.

Люба с трудом разогнулась: впереди, в бескрайней серебристой шири, то наклоняясь, то пропадая в зеленых зарослях, то вновь появляясь, работало звено косарей, монотонно повторяя одни и те же движения.

– Счас упаду, – пожаловалась звеньевой семнадцатилетняя Ольга.

– Хоть ты не ной, еще молодая, кровь с молоком! – с завистью сказала Марфа. – А тут здоровья нэма. На корню засыхаю. Даже язык к зубам прилип!

– Оно и видно, як прилип, – отозвалась Мария. – У тебе, худорбы, все позасыхало, а у меня наоборот...

Колхозницы весело взглянули на звеньевую: по ее лицу, шее, пышной груди катились многочисленные ручейки грязного пота.

– Тетю, – залилась в безумном смехе Варя. – Чого у вас ноги полосати, наверно, они постя...

– Ну и дурна же ты, Варвара! – оборвала ее Мария. – Стыда в тебе ни капли!

Но на Варю не обиделась: все считали ее дурочкой. Никто не знал, откуда появилась в станице эта по-мужски подстриженная женщина. То ли контузило её, то ли надругались над нею фашисты, оттого и тронулась рассудком несчастная.

Никто не обижал Варю, только безусые хлопцы, видя, как пропадают зря женские прелести, старались заманить ее подальше от людей в лесополосу и там брали первые уроки любви. Но работала она за четверых.

– Ну, бабоньки, – докашивая свою полосу, сказала Мария, – ржете вы, шо добрые кобылицы, так что счас не ноги задирайте от радости, шо перерыв начался, а поможем Любе: совсем ухоркалась молодлица.

– Не стану ей помогать: сама еле ноги волочу! – рассердилась Татьяна.

– Чёрт с тобой! – вспыхнула звеньевая. – Мне вон бабоньки помогут.

По инерции махая косой, Люба шла навстречу колхозницам.

– Шо, дорогая, – шутили они, – косить – не в правлении сидеть. Ну як, тяжел трудодень?

– Ох, тяжёл, – страдальчески улыбаясь, отвечала им Люба.

Ступая по мягкой, щекочущей ноги стерне, женщины подошли к одинокой акации.

Неизвестно, откуда взялось в степи это дерево. То ли осенний ураган принёс крошечное семя, то ли добрая рука путника прикопала здесь саженец, и он прижился: поднялся ввысь, раздался вширь и не одно лето спасал от зноя уставших колхозников.

Обычно в полдень под ним отдыхали мужчины, покуривая табачок и перебрасываясь крепким словцом. Теперь же под акацией копошились женщины.

Колхозницы развязали узелки и начали обедать.

– Да, сальца бы сейчас, – кусая картошку, мечтательно протянула беременная Шура.

– А колбаски не хочешь? – засмеялись женщины.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.